

ЕГЭ как Даймонион Сократа Исаев А. А.

*Исаев Александр Александрович / Isaev Alexander Alexandrovich – доктор философских наук, профессор,
кафедра философии и права,
Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, г. Сургут*

Аннотация: *вопрос: «Символ веры» Августина Блаженного: «Люби и делай, что хочешь», – звучит как декларация вседозволенности или табу?», – либо ставит современных студентов в тупик, либо реанимирует в их душе ситуацию выбора... правильного ответа из нескольких готовых во время ЕГЭ. У Сократа был Даймонион; у нынешних студентов – ЕГЭ...*

Ключевые слова: *этика, эстетика, власть, делинквентный, поэт, ЕГЭ.*

Эстетическое начало в человеке, как считает поэт, предпосылочно этическому. По-видимому, это действительно так: если человек не знает, что он собой представляет, то он ясно отдает себе отчет в том, что он собой не представляет; если человек не знает, на что он потратит свою жизнь, то он точно знает, на что он не потратит не только своей жизни, но даже минуты. Подобные «антипатии» достоверны, потому как продиктованы живущим в нашей душе безвылазно эстетическим чувством. Если мир и социальный человек (в т. ч., Web-персонаж) в своей распущенности зашли так далеко, что их можно считать безнадежными, то отдельного человека можно попытаться спасти. Искусство, литература, поэзия – это не только формы эстетического опыта, но и «таблетки» от безнадежности. Человек культуры должен руководствоваться интуицией языка как сущности культуры. Однако неразвитость эстетического чувства отдельных особей и массовидный (зачастую, и попросту стадный, т. е. неискоренимо родоплеменной) способ их сосуществования, граничащий с социальной импотенцией как принципиальной неспособностью жить в обществе, принуждает регулятивные инстанции (политическую, экономическую, религиозную власть) хотя бы в целях самосохранения формулировать и навязывать внутренне неопределенному большинству и особям, склонным к делинквентному поведению, идеи этического свойства в качестве placebo. В случае социально-приемлемого поведения эстетическое чувство, безусловное и врожденное – стихийно и синкретично (что и воспринимается как его «неразвитость»), а этическое – условно и навязано извне (в т. ч., посредством угрозы смерти; Э. Канетти «Масса и власть»). В отличие от человека Культуры (человека Массы), поэту менеджер не нужен; начальник – тем более. Поэт – это жизнь в состоянии предельной ответственности перед Языком – прародителем Культуры. Речь поэта – «исполнение» языка. Как философ живет, руководствуясь интуицией сущности, так и поэт – интуицией прекрасного. Эту интуицию нельзя отождествлять с чувством совершенства как регулятивной идеей; это чувство коварно, и мы, в частности, можем видеть, куда завело современный университет это чувство и сама идея совершенства (Б. Ридингс «Университет в руинах»), причем, несмотря на то, Universitas – это «место критики» и «место понимания». Современная («информационная») власть озабочена сохранностью собственного существования. Она не озабочена ни идеей совершенства, ни идеей должного, поэтому в ее действиях, порой, нет и следа логики – она с равной неразборчивостью может формулировать и внутренне непротиворечивые, и абсурдные регулятивные идеи. В первом случае власть использует идеи должного как модификатор взаимоотношений в частном/социальном поведении, обучении, хозяйствовании, вероисповедании, т. е. использует этические идеи, но они при этом не являются мотиватором для самой власти и ни к чему ее не обязывают. Власть, в особенности, в авторитарном государстве, практически не распространяет влияние регулятивов на самое себя, своих субъектов и адептов, ассоциированных с ней вплоть до самоотжестственности в мышлении – все они, как элементы системы с доказанной лояльностью, находятся вне критики и санкций. Собственно, власть как субстанция, ее субъекты и адепты образуют плотное клановое тело власти, делая ее всегда чем-то большим, чем нечто отдельное. И фактор несоизмеримости власти и человека на уровне психики вынуждает индивида воспринимать ее клановое тело как нечто множественное – некое «большинство» со всеми привилегиями масштаба. Этическое как внутренне рациональное, продиктованное волей власти и логической формой, инвариантной, впрочем, содержанию, может быть оправданным и даже обоснованным, но эстетически безобразным. Иными словами, символ веры поэта: «эстетика – мать этики» [1] можно изменить, имея ввиду проблему поколений: «отцов (матерей) и детей». Символ совершенен, как и все поэтическое, но распорядителем бала жизни остается все же этика (как и «человек»), понятие «этика» имеет порой и негативную атрибуцию) – в каком-то смысле оказавшаяся способной заменить безотчетное «чувство прекрасного» контролируемой «идеей должного» – «совершенства». Но поэт продолжает настаивать: «...если для существования социального неравенства еще мыслимы какие-то чисто физические, материальные обоснования, для неравенства интеллектуального они немислимы. В чем в чем, а в этом смысле равенство нам гарантировано от природы. Речь идет не об образовании, а об образовании речи, малейшая

приближенность которой чревата вторжением в жизнь человека ложного выбора» [1. С. 10]. Но куда же исчезнет факт(ор) неразвитости, зачастую атрофии, эстетического чувства? Вопрос, адресованный студентам – людям будущего: «Символ веры» Августина Блаженного: «Люби и делай, что хочешь», – звучит как декларация вседозволенности или табу?», – либо ставит их в тупик, либо реанимирует в их душе ситуацию выбора... правильного ответа из нескольких готовых во время ЕГЭ. У Сократа был Даймонион; у нынешних студентов – ЕГЭ. С кем поведешься... А вы говорите: «Этика...», «Эстетика...». Вам не страшно за свое будущее?

Литература

1. *Бродский И.* Нобелевская лекция // Его же. Соч. В 4 тт. – СПб.: Пушкинский фонд; Третья волна, 1992. Т. 1., С. 9.